

АДАПТИВНЫЙ АСПЕКТ БЫТОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В. И. СПОДИНА,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского отдела истории, археологии и этнологии
БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок»
(г. Ханты-Мансийск, РФ)

Одной из первых к проблеме культурной адаптации народов Севера в природе и обществе обратилась З. П. Соколова. В своей статье «Адаптивные свойства культуры народов Севера» [29] исследователь группирует вопросы культурной адаптации по четырем взаимосвязанным блокам: 1) природопользование и жизнеобеспечение; 2) традиционная материальная культура в ее связи с природой и адаптацией человека; 3) социальная адаптация; 4) мировоззрение и духовная культура. Задача данной статьи – рассмотреть примеры успешного приспособления, произошедшего в народной духовной культуре обских угров и самодийцев в условиях межэтнических контактов и промышленного освоения Севера.

Важнейшей философской проблемой, решаемой традиционной культурой, является проблема жизни и смерти. Обские угры верили, что для каждого человека существует срок жизни, отмеренный только ему. В хантыйском фольклоре линию судьбы, как правило, определяет женское Верховное божество *Калтац* (*Калтась-сянь*, *Калтась-ими*, или *Санге*). По поверьям иртышских хантов, у богини Санге имелся золотой посох, увешанный нитями с узелками. Расстояние от узелка до посоха – «мера» жизненного пути человека [1, 12]. Посох упоминается и среди атрибутов мансийской богини-матери *Калтац* («на семигранную священную палку с долгой жизнью девушек семью зарубками за-

рубает») [33, 30; 34, 52; 35, 177]. Сюжет, в котором *Калтац* «пишет (вырезает) узоры человеческих судеб», Т. А. Молданова объясняет как прерогативу божеств «высокого ранга» и относит «к сакральным действиям» [17, 117, 189, 191], имеющим высокое семантическое значение.

Наряду с традиционными способами фиксации продолжительности жизни (посох-палка) появляются и новые. В «Песне богини Калтац» героиня отмечает срок жизни детей на бумаге: «Мальчиков долгой жизни бумага, / Девочек долгой жизни бумага» [14, 40]. «Записывание» родившихся детей в книгу В. Н. Чернецов характеризует как «курьез и наслоение позднейших времен» и связывает появление данного сюжета с «перенесением в фольклор метрической книги, которую вогулы видели в церкви» [33, 31]. С этих же позиций представляется возможным объяснить близкие суждения лесных ненцев. В. Т. Айваседа из ненецкого рода *Тёмт*, хорошо знавший хантыйский язык, о конце жизни говорил так: «*Мани патал мел ту'ты*» ('Ко мне бумага скоро придет') [ПМА, пос. Варьеган. 1999]. Ненцы верили, что от бумаги-судьбы (нен. *патал*) зависит поведение человека, его «конечный вздох». В этой связи представляет интерес упоминание хантами р. Демьянки предшественника *Нуми Торума – ханстај хој нүпет* 'человека-писца'. Живет он этажом ниже бога и книгу судеб заполняет под диктовку бога-отца [13, 186]. Считается очевидным, что здесь налицо

© Сподина В. И., 2015

явное русское заимствование, связанное с христианизацией коренных народов Севера. Однако в данном сюжете может быть и иной подтекст. Хантыйское слово *нерэк* является многозначным и обозначает такие понятия, как «письмо», «книга», «документ». Новые хантыйско-русские словари дают к слову *нэпек* лишь значение ‘бумага’. Нам представляется интересной этимология этого слова, происходящего от иранского *пирёк* ‘шрифт’, ‘письмо’, а в удмуртском символизирующего еще и знак собственности (*n'ebeg* ‘кусочек бересты на убитой дичи в лесу как знак собственности охотника’) [12, 187]. Возможно, зарубки на посохе, камне, запись на бумаге следует рассматривать как установление гена смерти (знака, кода) для человека, который ранее был, как и боги, бессмертным.

В значительной степени адаптация к новому иноэтническому окружению проявилась в системе времясчисления. Среди эпохальных временных отрезков северные манси выделяют: *Торум унтум пора*, *Ма унтум пора* (‘Период становления Неба, период становления Земли’); *Ма уртым йис пора*, *отырым унттым пора* (‘Период распределения Земли, период насаждения духов’); *Элумхолас емтум пора* (‘Период появления человека’), который делится на: 1) *мойт йис пора* ‘эпоха сказочного времени’, *эрыг-йис пора*, *мойт-йис пора* ‘период песенного времени, период сказочного времени’; 2) *пес пора* ‘старинное время’; 3) *русь пора* ‘русский период’ [9, 2]. Нетрудно заметить, что мансийский язык обнаруживает тенденцию к русскому заимствованию слов – определителей времени. Абстрактные, математические временные отрезки у обских угров и самодийцев (манс. *щос* ‘час’, *неделя сāt* ‘семь дней’; нен. *си”ив яля*, *ше”в дяля* ‘семь дней’; хант. *нуви тылэщ* ‘месяц’, *ол* ‘год’; манс. *тāl* ‘год’) также появились не без влияния русской культуры [3, 224; 27, 151]. В данной связи следует оговориться, что коренным народам свойственно отсутствие потребности в хронологическом счислении как больших, так и малых отрезков времени. Ф. Белявский относительно березовских остяков заметил: «Исчисление вре-

мени более, как до десяти лет, не знают и знать сие считают за излишнее, бесполезное и даже вредное для спокойствия...» [5, 69].

Еще большую пластичность проявила традиционная календарная система, значительную группу названий месяцев которой составляют названия русского церковного календаря: *январь* – вах. хант. *елвал коттль* ‘Новый год’ [30, 94], васюг. хант. *илвалы-ики* ‘Новый год, ярмарка’ [15, 14], нен. *йттыпу йи’л* ‘месяц нового года’ [8, 6], сыгв. манс. *ярманка-пора ёңхеп* ‘месяц времени ярмарки’ [7, 80], сельк. *ярминки ики* ‘ярмарки месяц’ [21, 379], манс. *перна хотал этнос* ‘крещение месяц’, манс. *русьт этнос* ‘русский месяц’ [30, 101]; *август* – отмечен праздником манс. *Илья хотал* ‘день Ильи’ (2 августа) [9, 111]; *сентябрь* – лозв. манс. *семно-gādel-yoñger* ‘месяц дня Симеона’; *октябрь* – конд. манс. *семно-gōdel-yoñger* ‘месяц дня Симеона’, конд. манс. *пухрой-yoñger* ‘месяц Покрова’ [30, 102, 103], сыгв. манс. *пукров-енхеп* ‘месяц (праздника) Покрова’; *декабрь* – обск. хант. *ут понта тЫлиц* ‘месяц уплаты налогов’ [7, 80].

Владение русским языком (билингвизм) явилось реакцией этнических групп, вынужденных вырабатывать соответствующие стратегии и практики выживания. Дело в том, что языки традиционных культур не располагают достаточными ресурсами для выражения смыслов европейской культуры. Фонетическая адаптация русских заимствований происходила по законам и правилам хантыйского языка, например: грех – *карек*, картофель – *калтопка*, работа – *ропата*, антенна – *нгантенна*, Король – *Калялён* и др. В области фонетического освоения русских заимствований следует отметить довольно частое оглушение звонких согласных. Например: бригада – *приката*, балок – *палок*, брезент – *прасин*, ведро – *ветра*, буква – *пукве* и т. д. В связи с тем что в хантыйском языке нет собственного согласного звука [ф], при заимствовании из русского языка он часто звучит как звук [п]. Например: телефон – *телепон*, лавка – *лапка*, факел – *пахкал* и др. Семантическому освоению русского языка посвящена обстоятельная статья Н. В. Новьюховой.

Автор делает вывод о том, что «заимствование необходимо тогда, когда для выражения нового понятия нет соответствующего слова или когда хантыйское слово не передает полностью данное понятие в силу своего узкого или устаревшего значения» [19, 113–116; 20, 84; 21, 158]. Так, «на русский манер» лесными ненцами адаптировано приветствие «Здравствуйте!» – «*Анин торово!*» («Еще раз здорово») [32, 29].

Округлая форма глаза послужила основанием для обозначения новых явлений культуры: бисер (вах. хант. *кѣх сем* ‘каменные глаза’), каша (шур. хант. *сэмаң лант* ‘мука с глазами’) [15, 38; 28, 55]. Семантически слову «глаз» в хантыйском языке соответствуют понятия, обозначающие сыпучее вещество или жидкость, которые могут быть соотнесены с глазом по форме: *сем йиңк* ‘слеза’ (букв.: глаз, вода); *йиңк сем* ‘капля воды’; *йерт сем* ‘дождинка’; *лонъц сем* ‘снежинка’ (букв.: снег, глаз); *вонъцумут сем* ‘ягода’ (букв.: ягода, глаз); *ўрпа сем* ‘крупинка’ (букв.: крупа, глаз); *лант сем* ‘зерно’ (букв.: мука, глаз); *нохър сем* ‘орех’ (букв.: шишка, глаз); *сайк сем* ‘бусинка’ (букв.: бусы, глаз) [31, 98–99].

В связи с появлением новых товаров в быт коренных народов вошли ранее неизвестные продукты, названия которых были адаптированы «на хантыйский манер»: макароны – *лант кур* (букв.: ноги муки), помидор – *вурты поталы* (букв.: красный предмет), арбуз – *йиңки поталы* (букв.: водянистый предмет) [28, 55–56]. Новые реалии привнесли в жизнь коренных народов и неведомые ранее запахи, оцениваемые эмоционально как плохие: запах вина, перегара (шур. хант. *вуйна эпэл* ‘вино запах’), духов (шур. хант. *ухйиңк эпэл*, букв.: сера-вода запах), запах паровозного дыма (шур. хант. *курты йуш эпэл* ‘железной дороги запах’) [Устное сообщение А. Шияновой. 2014]. Результатом влияния русской культуры являются такие определители вкуса, как пресный (сург. хант. *чимэлдәх*; манс. *солвалтāl*), дрожжевой (сург. хант. *чимән*), сладкий, сахарный (хант. *сахарән*; манс. *аплең, атың*), медовый (хант. *мавәң*, манс. *мāгың*).

Важным в традиционном мировоззрении является вопрос о начале и конце мира. Если процесс зарождения мира в мифологии освещен довольно подробно, то представление о гибели окружающего мира (апокалипсисе) разработано слабо. Традиционное сознание компенсирует неразвитость темы предвестниками вселенской катастрофы из «новой» культуры. Традиционно апокалипсис предвещали: кража столба, поддерживающего небесный свод (финны), массовое разращение народа (ханты, манси), падение священной сосны (*Мәх junk жух* ‘Священное дерево Духа земли’) на окраине юрт Озерных, расположенных по одному из притоков р. Васюгана (васюг. ханты), раздающийся гул в Верхнем мире, после которого на Земле появятся мохнатые животные с толстыми шкурами (манси), открытые ворота неба (ханты, манси) [2, 92; 18, 154; 22, 40; 23, 221; 24, 57]. О грядущих событиях предупреждали небесные светила [в предчувствии какого-либо бедствия Солнце и Луна поедают себя (затмения)] и шаманы («за семь лет до начала потопа шаманам стало известно о приближающемся времени огня и воды») [23, 127; 26, 43–44].

С началом промышленного освоения природных ископаемых в качестве признаков кончины мира стали выступать новые, ранее невиданные объекты, на которые переносился образ врага. К таковым информанты Т. А. Молдановой с верховий рек Казыма и Тромъегана относят железные вышки («С железной головой, с железным животом большой русский мужчина») и горящие факелы («В красном сарафане большая русская женщина»), которые все на своем пути пожирали. «Появились новые гигантские враги, по своей чудовищной силе несопоставимые с прежними опасностями, на которые этнос не выработал способы защиты» [16, 7]. Ненцы слагают песни-мифы о будущем, которое настанет после того, как нефть и газ будут выкачаны. Новые города опустеют и вместе с брошенными машинами зарастут травой, а на ней снова будут расти ягоды и ягель, и ханты заживут, как прежде [1, 198]. Касаясь данных сюжетов, В. М. Кулемзин отмечает, что

это – «реакция на промышленное освоение той части населения, которая не успела или не смогла адаптироваться к новым условиям» [11, 128].

Отличительной чертой современной интерпретации апокалипсиса у лесных ненцев является представление о катастрофе как явлении, ведущем к полному уничтожению без перспективы возврата (апокалипсис нравственный), и применение данного понятия к бытовым ситуациям, имеющим порой шуточный характер. В быличках, записанных Ю. Вэллой от своих сородичей [6, 40–55], апокалипсис предстает то как прозвище Аатана – жителя Варьегана, который часто употреблял это незнакомое слово, то как горькие реалии современной жизни.

**Современный апокалипсис
в произведениях Ю. Вэллы
(фрагменты)**

Апокалипсис по-сибирски

«Он еще два-три года проработает и уедет. А мне после него всю жизнь жить здесь на перерытой, перетоптанной земле, с переломанными деревьями и с замаскурованными озерами и реками. Мне уже негде будет добывать пушнину и мясо, негде вылавливать рыбу на строганину, негде пасти оленей. Разве это не Апокалипсис?..»

Апокалипсис по-ненецки

«– И у нас в Варьегане объявилось “братство” – то ли баптисты, то ли еще какая разновидность сектантская. Тоже удобно устраиваются в сознании коренных жителей. Мол, если кто не с нами, того ждет Апокалипсис – конец света.»

Апокалипсис по-русски

«Паренек соседский служил в Чечне. Весь изранен. Пока служил, семью его выселили из квартиры за неуплату коммунальных. Негде прописаться. Калеку на работу не берут. Бомжи, как могли, собирали для него пропитание по мусорным бакам. На груди в два ряда дырки от пропитых медалей... Три дня назад умер – отлучился. Теперь некому заплатить для него... место на кладбище...».

Следует коснуться и новых сюжетов песенного фольклора как реакции на современные политические веяния. Сказительницей из дер. Юильск Е. К. Тоголмазовой сочинены две шуточные песенки, в которых от имени мышонка сравниваются периоды правления Б. Ельцина и В. Путина. Если при

первом «Маленький магазинчик казымского рыбкоопа был пустым, / Казымского рыбкоопа склады все пустыми были. / Чтобы сердце успокоить, даже вкусенького кусочка не найти, / Чтобы тело согреть, даже теплых вещей не найти», то при втором

Все склады казымского рыбкоопа полные,
Что-нибудь-то вынохаю и я найду,
Что-нибудь-то облизну и я найду...
Для дочерей теплое гнездышко сделаю,
Для сыновей теплое гнездышко сделаю я...

Отмечая время «президентства» Д. Медведева, сказительница замечает, что он «умный парень», «он сможет все», «старается, работает, работает». Подчеркивается, что при Путине появилось много разных машин, новых средств передвижения (вертолеты) и теперь «Смолистого дерева кусочек весла мне уже не нужен, / Лодочка из коры дерева мне уже не нужна» [25, 98–99].

Как видим, в актуальном пространстве взаимодействия культурных оппозиций адаптационные механизмы насыщают этническую культуру новыми реалиями и понятиями. Наибольшую пластичность проявляют система времячисления и язык. Фонетическая адаптация проявляется в «моделировании» русских заимствований с учетом норм родного языка. Отношение к русской культуре в своем большинстве лишено негативной окраски. Неприятие вызывают негативные последствия промышленного освоения Севера, наступление новой, техногенной культуры и, как следствие, деформация аксиологического пространства традиционной культуры. Этот процесс коренными народами Севера рассматривается как нравственный апокалипсис, к которому неприменимы никакие адаптационные механизмы.

Поступила 04.02.2015

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

васюг. хант. – васюганские ханты;
вах. хант. – ваховские ханты;
конд. манс. – кондинские манси;
лозв. манс. – лозьвинские манси;
манс. – манси;
нен. – ненцы;
обск. хант. – обские ханты;
сельк. – селькупы;
сург. ханты – сургутские ханты;
хант. – ханты;
шур. хант. – шурьешкарские ханты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК   BIBLIOGRAPHY

1. Антонов, И. Ю. Социальные нормы народов Крайнего Севера / И. Ю. Антонов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2008. – 351 с.
2. Бардина, Р. К. Угорское население Нижнесосьвинского Приобья (XVIII–XXI века) / Р. К. Бардина. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2011. – 291 с.
3. Бармич, М. Я. Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект) / М. Я. Бармич, И. А. Вэлло. – СПб. : Просвещение, 2002. – 288 с.
4. Бауэр, М. М. Языки коренных народов Ямала в современном региональном системно-семантическом поле // Коренные народы Ямала в современном мире. Сценарии и концепции развития. – Новосибирск ; Салехард, 2007. – Вып. 1. – С. 154–162.
5. Белявский, Ф. Поездка к Ледовитому морю / Ф. Белявский. – Тюмень : Мандр и Ко, 2004. – 296 с.
6. Вэлла, Ю. Земля Любви : диалоги / Ю. Вэлла. – Ханты-Мансийск : Принт-Класс, 2011. – 107 с. ; 101 с. – (Книга-перевертыш).
7. Герасимова, Д. В. Народный календарь манси // Время и календарь в традиционной культуре. – СПб., 1999. – С. 78–81.
8. Зенько, М. А. Экологический календарь лесных ненцев : опыт хозяйственно-культурной, этнографической и историко-этнографической реконструкции // Культурное наследие народов Сибири и Севера. – СПб., 2004. – Ч. 2. – С. 3–10.
9. Иванова, В. С. Локальные особенности в обрядности северных манси (конец XIX – начало XXI века) / В. С. Иванова. – Ханты-Мансийск : ИИЦ ЮГУ, 2010. – 282 с.
10. Кулемзин, В. М. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX в. : этногр. очерки / В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина. – Тюмень : Мандр и Ко, 2006. – 208 с.
11. Кулемзин, В. М. Золтан Надь. Васюганские ханты. Изменения религиозной системы в XIX–XXI вв. : рец. на кн. // Том. журн. лингв. и антроп. исслед. – 2013. – № 1 (1). – С. 125–128.
12. Лыткин, В. Н. Краткий этимологический словарь коми языка / В. Н. Лыткин, Е. С. Гуляев. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во. – 1999. – 430 с.
13. Мифология хантов / В. М. Кулемзин, Н. В. Лукина, Т. А. Молданов, Т. А. Молданова / науч. ред. В. В. Напольских. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – 310 с.
14. Молданов, Т. Боги земли Казымской / Т. Молданов, Т. Молданова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. – 114 с.
15. Молданова, Т. А. Мелкие птицы (птички) в фольклоре и верованиях хантов // Фольклор в истории народа и его место в современной культуре. – Томск, 2005. – С. 57–65.
16. Молданова, Т. Отражение новых явлений жизни в современном фольклоре хантов // Краевед. – 1996. – № 8. – С. 7.
1. Antonov, I. (2008) Social norms of the Far North population, Moscow: UNITY-DANA: Law and Law.
2. Bardina, R. (2011) Ugric population of Nizhnesosvinskij Ob area (XVIII–XXI centuries), Novosibirsk: SB RAS Press.
3. Barmich, M. and Vello, I. (2002) Dictionary of Nenets-Russian and Russian-Nenets languages (forest dialect), Saint-Petersburg: Prosveshhenie.
4. Bauer, M. (2007) Indigenous languages of Yamal in the modern regional system-semantic field, Indigenous peoples of Yamal in the modern world. Scenarios and development concept, 1, Novosibirsk, Salekhard, pp. 154–162.
5. Bielawski, F. (2004) Trip to the Arctic sea, Tyumen: Mandry & Co.
6. Vjella, Yu. (2011) Land of love: dialogues, Khanty-Mansiysk: Print Class.
7. Gerasimov, D. (1999) People's Calendar of Mansi, Time and Calendar in the traditional culture, Saint-Petersburg, pp. 78–81.
8. Zenko, M. (2004) Ecological calendar of Forest Nenets: the experience of economic and cultural, ethnographic, historical and ethnographic reconstruction, Cultural heritage of the peoples of Siberia and the North, Part 2, Saint-Petersburg, pp. 3–10.
9. Ivanova, V. (2010) Local features of the rituals of Northern Mansi (end of XIX – the beginning of XXI century), Khanty-Mansiysk: ИС JuGU.
10. Kulemzin, V. and Lukina, N. (2006) Vasyugan-Wachowski Khanty in late XIX – early XX century: ethnographic essays, Tyumen: Mandry & Co.
11. Kulemzin, V. and Zoltan, N. (2013) Vasyugan Khanty. Changes in the religious system in XIX–XXI centuries, Tomsk Journal of LING and ANTR, 1 (1), pp. 125–128.
12. Lytkin, V. and Gulyaev, E. (1999) Brief etymological dictionary of the Komi language, Syktyvkar: Komi Press.
13. Kulemzin, V., Lukina, N., Moldanov, T., Moldanova, N. (2000) Khanty Mythology, in Napolskikh, V. (ed.), Tomsk: Publishing house of Tomsk University Press.
14. Moldanov, T. and Moldanova, N. (2000) Gods of Kazym land, Tomsk: Tomsk University Press.
15. Moldanova, T. (2005) Small birds in the folklore and beliefs of the Khanty, Folklore in the history of the nation and its place in contemporary culture, Tomsk, pp. 57–65.
16. Moldanova, T. (1996) Reflection of new phenomena in contemporary Khanty folklore, Local historian, 8, p. 7.
17. Moldanova, T. (2010) Pelymsky Torum – Organizer of bear games, Khanty-Mansiysk : Poligrafist.

17. Молданова, Т. Пельмский Торум – устроитель медвежьих игрищ / Т. Молданова. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2010. – 224 с.
18. Надь, З. Васюганские ханты. Изменение религиозной системы в XIX–XXI вв. / З. Надь. – Томск : Изд-во Том. пед. ун-та, 2011. – 294 с.
19. Новьюхова, Н. В. Заимствованная лексика хантынского языка // Гуманитарные науки Югры. – Ханты-Мансийск, 2003. – Вып. 1. – С. 113–116.
20. Новьюхова, Н. В. Семантические особенности русских заимствований в хантыском языке // Языки, история и культура народов Югры. – Ханты-Мансийск, 2009. – С. 81–84.
21. Пелих, Г. И. Происхождение селькупов / Г. И. Пелих. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1972. – 424 с.
22. Пентикайнен, Ю. Жизненный цикл и годичный ритм природы в финском фольклоре // Традиционная духовная культура народов Европейского Севера : ритуал и символ. – Сыктывкар, 1990. – С. 39–54.
23. Первалова, Е. В. Северные ханты : этническая история / Е. В. Первалова. – Екатеринбург : УрО РАН, 2004. – 414 с.
24. Попова, С. А. Мансийские календарные праздники и обряды / С. А. Попова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. – 138 с.
25. Поющая женщина из Эхт Югана / сост. Е. Д. Каксина. – Тюмень : ООО «ФОРМАТ», 2014. – 128 с.
26. Ромбандеева, Е. И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов) / Е. И. Ромбандеева. – Сургут : АИИК «Северный дом» и Сев.-Сиб. регион. кн. изд-во, 1993. – 207 с.
27. Ромбандеева, Е. И. Русско-мансийский словарь : учеб. пособие для учащихся 5–9 кл. общеобразоват. учреждений / Е. И. Ромбандеева. – СПб. : Миралл, 2005. – 360 с.
28. Серасхова, М. Е. Лексико-семантическая специфика наименований пищи в шурьшкарском и приуральском диалектах // Материалы II научно-практической конференции студентов и аспирантов Института языка, истории и культуры народов Югры. – Ханты-Мансийск, 2006. – С. 52–56.
29. Соколова, З. П. Адаптивные свойства культуры народов Севера // Совет. этнография. – 1991. – № 4. – С. 3–17.
30. Соколова, З. П. Времячисление у обских угров // Традиционная обрядность и мировоззрение малых народов Севера. – М., 1990. – С. 74–103.
31. Соловар, В. Н. О некоторых особенностях структуры и семантики названий частей тела в обско-угорских языках / В. Н. Соловар, А. В. Дубасов // Вестн. угроведения. – 2006. – № 2. – С. 97–101.
32. Сподина, В. И. О чем твоя песня, Аули? / В. И. Сподина. – М. : Интербук, 1995. – 32 с.
33. Чернецов, В. Н. Фрагментарное устройство обско-угорского общества // Советская этнография : сб. ст. – М. ; Л., 1939. – Т. 2. – С. 20–42.
34. Karjalainen, K. F. Die Religion der Jugra-Völker / K. F. Karjalainen. – Porvoo, 1921. – Bd. 1. – 204 p.
35. Karjalainen, K. F. Die Religion der Jugra-Völker / K. F. Karjalainen. – Porvoo, 1922. – Bd. 2. – 183 p.
18. Nagy, Z. (2011) Vasyugan Khanty. Change the religious system in XIX–XXI centuries, Tomsk: Tomsk pedagogical University Press.
19. Novyuhova, N. (2003) Borrowings in the Khanty language, Ugoria Humanities, 1, Khanty-Mansiysk, pp. 113–116.
20. Novyuhova, N. (2009) Semantic features of Russian borrowings in the Khanty language, Language, history and culture of the peoples of Ugra, Khanty-Mansiysk, pp. 81–84.
21. Pelikh, G. (1972) Origin of Selkups, Tomsk: Tomsk University Press.
22. Pentikainen, Yu. (1990) Life cycle and annual rhythm of the nature in Finnish folklore, Traditional spiritual culture of the peoples of the European North: ritual and symbol, Syktivkar, pp. 39–54.
23. Perevalova, E. (2004) Northern Khanty: Ethnic History, Ekaterinburg: Ural Branch of Russian Academy of Sciences.
24. Popova, S. (2008) Mansi calendar holidays and ceremonies, Tomsk: Tomsk University Press.
25. Kaksina, E. comp. (2014) Singing woman from Echt Yugan, Tyumen: FORMAT.
26. Rombandeeva, E. (1993) History of the Mansi (Voguls) and their spiritual culture (based on folklore and rituals), Surgut: North House and North-Sib. Regional Press.
27. Rombandeeva, E. (2005) Russian-Mansi dictionary: manual for 5–9 grade pupils of Secondary Schools, Saint-Petersburg: Mirall.
28. Seraskhova, M. (2006) Lexical-semantic specificity of food items in Shuryshkarsky Pre-Ural dialects, Proceedings of II Scientific Conference of students and graduate students, Institute of Language, History and Culture of Yugra, Khanty-Mansiysk, pp. 52–56.
29. Sokolova, Z. (1991) Adaptive properties of the culture of the North, SE, 4, pp. 3–17.
30. Sokolova, Z. (1990) Chronology of Ob-Ugric peoples, Traditional rituals and worldview of small peoples of the North, Moscow, pp. 74–103.
31. Solovar, V. and Dubasov, A. (2006) Some features of structure and semantics of the names of body parts in the Ob-Ugric languages, Ugric Bulletin, 2, pp. 97–101.
32. Spodina, V. (1995) What is your song about, Auli? Moscow: Interbook.
33. Tchernetsov, V. (1939) Phratic mechanism of Ob-Ugric society, SE, Mocsow, Lenin-grad, Vol. 2, pp. 20–42.
34. Karjalainen, K. F. (1921) Die Religion der Jugra-Völker, Porvoo, Bd. 1.
35. Karjalainen, K. F. (1922) Die Religion der Jugra-Völker, Porvoo, Bd. 2.